

ВОЛЬТЕР-ИСТОРИК В СВОЕЙ БИБЛИОТЕКЕ

«Я никогда не продаю своих сочинений, я забочусь только об их исправлении», — писал Вольтер руанскому издателю и книгопродавцу Жору¹. Вольтер продолжал работать над своими произведениями даже после их опубликования. Чтение книг по занимавшей его тематике обычно вызывало у него желание пересмотреть и изменить написанное, переработать и иногда добавить новые страницы и даже главы в уже готовую работу. Пометы Вольтера на полях прочитанных книг (маргиналии) являлись одним из этапов его творческого процесса. Личная библиотека писателя, хранящая весь комплекс маргиналий, была приобретена Екатериной II после смерти Вольтера 30 мая 1778 г. и перевезена в 1779 г. в С.-Петербург². В настоящее время она находится в Ленинграде, в Отделе рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В подготовленных к печати первых трех томах «Корпуса» читательских помет Вольтера воспроизводятся (большой частью впервые) все знаки его чтения на полях исторических, философских, экономических, драматургических сочинений, широко представленных в этом уникальном для XVIII в. собрании³.

Замечания Вольтера на полях книг исторического содержания, составляющих 28% всего состава библиотеки, представляют большую ценность для понимания его научно-исторического метода. В специальной литературе о Вольтере-историке материалы эти не привлекались⁴. Цель настоящего очерка — рассмотреть некоторые приемы работы Вольтера при подготовке и написании исторических трудов. Книжное собрание Вольтера позволяет сделать ряд наблюдений (предварительных, поскольку еще не вышли тома «Корпуса» маргиналий) об особенностях труда выдающегося историка Франции XVIII в., об основательности и надежности его документации. Превосходная подборка в библиотеке Вольтера литературы по истории отражает его широкие научно-исторические интересы как автора «Опыта о нравах и духе народов» (1756 г.), «Века Людовика XIV» (1751 г.), «Истории Российской империи при Петре Великом» (1759—1763 гг.), «Истории Парижского парламента» (1769 г.) и ряда других исторических произведений.

Вольтера-историка интересовали такие сочинения, как «Рассуждение о всеобщей истории» Боссюэ, «Всеобщая история» Агриппы д'Обинье, труд древнегреческого историка Дюдора Сицилийского, книга Ленгле Дюфренуа по методологии истории. Его особое внимание привлекли произведения по истории Франции XVI—XVIII вв., в

¹ «Voltaire's Correspondence». Ed. by Th. Besterman, vols. 1—107. Genève, 1953—1965; vol. 5, № 1008.

² В. С. Л ю б л и н с к и й. Библиотека Вольтера. (Исторический очерк). — «Книга в истории человеческого общества». М., 1972, стр. 265—321.

³ См. об этой публикации: Т. П. В о р о н о в а. Издание «Корпуса» помет Вольтера. — «Новая и новейшая история», 1976, № 2, стр. 218—219.

⁴ Рассмотрение общ исторической концепции Вольтера не входит в задачи статьи. См. об этом: В. П. В о л г и н. Вольтер-историк. — «Исторический журнал», 1945, № 4; Е. А. К о с м и н с к и й. Вольтер и историческая наука. — «Известия АН СССР». Серия история и философия. М., 1945, № 1; е г о ж е. Вольтер как историк. — «Вольтер. Статьи и материалы». М. — Л., 1948; К. Н. Д е р ж а в и н. Вольтер. М. — Л., 1946, стр. 162—223; И. И. С и в о л а п. Социальные идеи Вольтера. М., 1978.

частности, сочинения Даниэля, общие труды по истории Франции Дюгайяна, «История Людовика XI» Г. Дюкло, «История жизни Генриха IV и Людовика XIII» Р. Бюри, «История гражданских войн во Франции» д'Авилы и др. Пометами и иными знаками чтения отмечены «Мемуары» Арно д'Авидильи, содержащие материалы по истории французского двора с 1634 по 1675 г., «Записки» Дажю о дворе Людовика XIV и многие другие исторические труды.

Вольтер внимательно изучал постановления парижского, руанского, бордоского парламентов, решения государственного совета и иные документальные источники. Самым тщательным образом им протудирована «Хронологическая компиляция» Г. Бланшара, содержащая королевские ордонавсы, эдикты и декларации, касающиеся суда, финансов и управления Франции с 987 г. до начала XVIII в. Широко пользовался Вольтер и справочными изданиями: энциклопедиями, «Историческим и критическим словарем» Бейля, «Новым историческим и критическим словарем» Шюфепье, «Энциклопедией» Дидро и Д'Аламбера. В библиотеке Вольтера имеются труды по вспомогательным историческим дисциплинам — археологии, исторической географии, геральдике, генеалогии, нумизматике, библиографии, дипломатике. Новый подход к историческому материалу, широта и разносторонность интересов Вольтера-историка проявились в его обращении к общим трудам по истории Азии, Африки, Америки, государства Европы — Германии, Испании, Португалии, России, Чехии, Польши — или к таким специальным темам, как реформация в Англии, положение в Марокко, состояние дорог Римской империи, военное искусство китайцев, торговля и навигация древних египтян.

Приемы работы Вольтера-историка разнообразны, они в значительной степени определялись темой и задачами создаваемого им произведения. При написании сочинений, посвященных современной ему истории, например «История Карла XII», «Век Людовика XIV», «Краткий очерк века Людовика XV», Вольтер применял «журналистский» метод опроса очевидцев событий. При подготовке произведений, относящихся к далекому прошлому, Вольтер изучал все доступные ему сочинения, в частности, все источники и литературу, находящуюся в его личной библиотеке, которую он постоянно пополнял. Заботой о необходимой литературе полны почти все письма Вольтера к друзьям, издателям, книгопродавцам. 24 сентября 1735 г. он писал своему другу Тьерно: «Если Вы знаете книги, в которых можно найти данные о торговле, прошу Вас назвать их... сообщайте мне также обо всех книгах, где можно обнаружить некоторые указания, относящиеся к истории прошлого века и к успехам изящных искусств»⁵. Сравнительно мало обращался Вольтер к периодическим изданиям, как правило, редким и малодоступным в его время, но зато довольно широко пользовался всеми доступными ему архивными материалами. Вольтер вообще тщательно готовился к написанию каждого исторического труда, заботясь в первую очередь о строгой документации, осваивая и критически перерабатывая содержащийся в литературе по теме фактический материал. В этом отношении показателен пример подготовки им «Истории Российской империи при Петре Великом».

Впервые обратившись к образу Петра в «Истории Карла XII» (1731 г.), Вольтер в течение ряда лет собирал и основательно изучал источники. В его библиотеке сохранился разнообразный и редкий по полноте раздел по истории России⁶. Книги этого раздела были использованы Вольтером, в частности, при создании «Рассказов о Петре Великом» (1748 г.), 190-й главы «Опыта о нравах и духе народов», посвященной России XVI—XVIII вв., а также в специальной статье для «Философского словаря», озаглавленной «Петр Великий и Руссо» (1765 г.).

«Военная история Карла XII» Адлерфельта, которую Вольтер прочитал сразу же по выходе ее в свет (1740 г.), побудила его пересмотреть и дополнить фактическими данными «Историю Карла XII». 2 августа 1740 г. он пишет фон Шулленбергу: «Я рассчитываю значительно исправить свою «Историю Карла XII» по данным мемуаров этого офицера (Адлерфельта. — Л. А.)»⁷. Чтение «Истории Карла XII» Нордберга вызвало

⁵ «Voltaire's Correspondence», vol. 4, № 888.

⁶ М. П. А л е к с е е в. Вольтер и русская культура XVIII века. — «Вольтер. Статьи и материалы». Л., 1947, стр. 36—38.

⁷ «Библиотека Вольтера. Каталог книг». М. — Л., 1961, № 17; «Voltaire's Correspondence», vol. 10, № 2147.

у Вольтера намерение заново отредактировать свое произведение. «Я узнал,— писал Вольтер,— что в Гааге напечатана «История Карла XII» капеллана Нордберга, это будет для меня новой палитрой, в ее краски я обмакну кисти, которыми мне предстоит переписать мое полотно»⁸. Этому намерению не помешало то, что Нордберг называл Вольтера «архилжецом» и в сносках приводил в качестве доказательства ряд его ошибок. Многократно обращался Вольтер к сочинению Нордберга и при написании «Истории Российской империи», подвергая при этом резкой критике автора, «каноника, который находился в Офесе, далеко от битвы (Полтавской.— Л. А.)», «человека темпераментного и плохо информированного». Пометы на закладках помогли ему использовать содержащийся в книге материал: «Нарва», «русские в Гродно», «царь в Польше», «Меньшиков в Варшаве», «анекдоты об императрице Екатерине», «взятие Риги, вселивонские офицеры переходят на службу к царю, их ведет тень Паткуля», «визири всегда относились к шведскому королю с чувством превосходства» и т. д. На одной из закладок мы встречаем замечание Вольтера, не связанное с изложением Нордберга, являвшееся, по-видимому, итогом его собственных наблюдений: «Царь, его жизнь интереснее всех героев Плутарха; он представил возможность своим наследникам превзойти его, но в империях, как в искусствах, слава принадлежит первооткрывателям».

Пометы Вольтера свидетельствуют о том, что он много читал о России, умело отбирал материал из сочинений, казалось бы, довольно далеких от темы. Сведения о «Черной Руси» были почерпнуты Вольтером из статьи «Россия» в «Географическом и критическом словаре» Брюзен де ла Мартиньера⁹. Внимательно были им прочитаны и использованы сочинение Адама Олеария (во французском издании 1727 г.), путешествие голландца Стрейса в Московию, Персию и Индию, рассказ Ги Мьежа о посольстве графа Карлейля в Москву, содержащий множество подробностей о быте «москвитов»¹⁰. Страницы книги аббата А. Катиоро, одной из первых в Западной Европе специальных работ о Петре I, Вольтер испещрил крестиками, черточками и иными знаками, отмечающими фактические данные (в частности, для характеристики одного из сподвижников Петра I — генерала Лефорта), которые впоследствии были использованы им в работе.

Довольно часты в «Истории Российской империи» ссылки на книгу Жана Русседе Мисси, писавшего под псевдонимом боярина Ивана Нестесураноя. Вольтер оценил это произведение со свойственным ему сарказмом как один из «распространенных типографских подлогов», как «нагромождение ложных фактов» и «компиляцию из газетных сплетен»¹¹. Несмотря на то, что Вольтер в своих письмах отрицал даже факт чтения этой «не заслуживающей доверия книги», закладками отмечены многие страницы, содержащие сведения о заговоре царевны Софьи; о Голицыне; о допросах и пытках дыбой; о признании Шакловитого, обязавшегося убить царя, его брата, жену, мать, дядей¹².

В «Историческом описании Русской империи» Филиппа Страленберга (шведа, попавшего под Полтавой в плен) Вольтера привлекли страницы, относящиеся ко времени правления Федора Алексеевича и Софьи. Закладкой с пометой «Лефорт — пьяница» отмечена страница, где Страленберг писал, что царь дебошами испортил себе здоровье¹³. Неоднократно ссылался Вольтер на известное сочинение капитана Перри о Петре I; в книге отмечены закладками страницы, посвященные описанию района нижней Волги, церковной и денежной реформам, состоянию торговли и т. д.¹⁴.

Большой интерес вызвали у Вольтера «Новые мемуары о настоящем положении Великой России, или Московии» (1725 г.), написанные ганноверским резидентом Христианом Фридрихом Вебером, жившим в России с 1714 по 1719 г.¹⁵ Особенно заинтересовали Вольтера материалы о судебном процессе над царевичем Алексеем Петровичем, противником петровских реформ. На страницах второго тома этого сочинения, освещен-

⁸ Ibidem.

⁹ «Библиотека Вольтера», № 564.

¹⁰ Там же, № 2606, 3217, 2452.

¹¹ *V o l t a i r e. Oeuvres complètes, t. XVI. Paris, 1878, p. 379—380, 508, note 1.*

¹² «Библиотека Вольтера», № 3047.

¹³ Там же, № 3215.

¹⁴ Там же, № 2699.

¹⁵ Там же, № 3833.

пшающих события 1715—1718 гг., встречаются многочисленные пометы Вольтера, который, можно сказать, «отредактировал» декларацию Петра судьям, гражданским, военным чинам и духовенству. В таком исправленном виде заявление царя во время суда над царевичем вошло в X главу вольтеровской «Истории Российской империи»¹⁶. Многие отрывки из книги Вебера Вольтер цитировал с учетом своих исправлений, без упоминания своего источника.

Часто Вольтер ссылается на сочинение Вильгельма Ламберти, содержащее тексты подлинных документов, и среди них акты судебного процесса над царевичем Алексеем. Из письма к аббату Дюбо видно, что Вольтер был знаком с сочинением Ламберти еще в 1738 г., когда работал над «Веком Людовика XIV»¹⁷.

Вольтеровская история Петра I основательно подкреплена рукописными источниками, приславшимися ему (начиная с лета 1758 г.) академиком С.-Ф. Миллером, И. И. Таубертом, М. В. Ломоносовым и И. И. Шуваловым¹⁸. В распоряжении Вольтера оказалось более 120 документов, хранящихся и ныне в его библиотеке, среди них «Краткий хронологический перечень наиболее значительных событий царствования Петра Великого» и выдержки из «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (во французском переводе), составленные М. В. Ломоносовым¹⁹. В библиотеке Вольтера имеется уникальный экземпляр — французский перевод с несохранившегося оригинала рукописи М. В. Ломоносова «Описание стрелецких бунтов и правление Софьи»²⁰. Вольтер положил в основу IV и V глав «Истории Российской империи» этот источник, заметив в сноске: «Извлечено полностью из материалов, присланных из Москвы и Петербурга». В другой сноске к главе о правлении Софьи Вольтер замечает: «В секретных мемуарах, которые доверил мне русский двор, содержится утверждение, что партия (Софьи и Голицына) готова была убить Петра I». Вольтер переработал и расширил главу «Описание России» в соответствии с присланной ему рукописью «Краткое описание России», составленного «под смотрением» М. В. Ломоносова²¹.

В письмах И. И. Шувалову Вольтер сообщал, что одними из первых его источников были рукописные записки генерала Лефорта, полученные от его семьи; на эти записки он неоднократно ссылался в «Истории Российской империи». Однако среди рукописей вольтеровской библиотеки сохранилась лишь одна страница «Мемуаров» Лефорта, переписанная секретарем Вольтера Вагнером, служившим у него с 1756 по 1778 г.²²

Рукописные материалы, как правило, Вольтер использовал наряду с печатными, дополняя и проверяя одни свидетельства другими. Ссылки на «Мемуары», присланные из России, подтверждали достоверность сообщаемых им данных: «Мои мемуары свидетельствуют, «в моих мемуарах говорится», «те же мемуары поучают меня».

Читательские пометы Вольтера не всегда воссоздают достаточно полную картину использования им в своих трудах печатных и рукописных материалов. Однако для большинства его трудов по истории, как и для «Истории Российской империи», Вольтером был несомненно привлечен широкий круг источников, почти исчерпывающий для своего времени.

Обширный фонд исторической литературы лежит в основе вольтеровского «Опыта о нравах и духе народов», наиболее значительного из его исторических сочинений. Одним из основных источников для этого труда послужила 36-томная «Церковная история» Клода Флери (1640—1723). Многочисленные ссылки на это сочинение сопровождались резкими выпадами против автора, который «научился писать, как это обычно бывает в процессе работы, однако необычно то, что, написав немало глупостей, он составил столь искусное и толковое вступление»²³. Вводную статью Флери Вольтер

¹⁶ Voltaire. Oeuvres complètes, t. XVI, p. 583.

¹⁷ «Библиотека Вольтера», № 1889; Voltaire's Correspondence, vol. 7, № 1569.

¹⁸ Н. В. Соколова, «Е. С. Юлябко. Источники вольтеровской истории Петра. — «Французский ежегодник» 1984». М., 1985, стр. 274—278.

¹⁹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 6. М.—Л., 1952, стр. 566, прим. 6.

²⁰ Там же, стр. 568.

²¹ Там же, стр. 566, прим. 10.

²² «Mémoires pour l'histoire de Russie, par Voltaire», 5—242, t. III, f. 153.

²³ Voltaire. Oeuvres complètes, t. XXVII. Paris, 1879, p. 240.

считал близкой к философии, «но не к истории»²⁴. В целом произведение Флери казалось Вольтеру «вздором, который постыдилась бы рассказывать сегодня любая старуха», к тому же «все тома были переполнены подобными сказками»²⁵. Вольтер считал автора «виновным в том случае, если он передавал все чудеса и глупости не веря в них, и дураком, если он в них верил»²⁶. В статье «Диоклетиан», пересказывая приведенную Флери историю о римлянине, которому врач отрезал язык, Вольтер писал: «Весьма странно, что Флери в «Церковной истории» приводит ужасающее число подобных фактов, скорее скандальных, чем поучительных»²⁷. Отмеченные в сочинении этого автора многочисленные факты массовых убийств, изощренной жестокости, насилия, привлекали особое внимание Вольтера: «Крестовый поход против альбигойцев», «ужасные жестокости против альбигойцев», «еще один крестовый поход — еще один разбой», «сожжение кордельеров», «парижский прево отправляется в Рим просить прощения (у папы) за свой приказ повесить школяра». Закладкой с пометой «Феодора, манихеи» отметил Вольтер отрывок, где говорилось об убийстве 100 тыс. человек через повешение, отсечение головы и утопление в море, с конфискацией имущества убитых в пользу императора. В одном из своих сочинений — «Заговоры против народов, или проскрипции», Вольтер заметил: «Флери в «Церковной истории» признает, что погибло около 100 тыс.». Вольтера возмущало бесстрашие, с каким Флери писал об этом, как и то, «что эту фурию Феодору сделали святой»²⁸.

Обстоятельной и суровой критике подверг Вольтер многие фактические положения книги иезуита Даниэля — «очень сухой» и «весьма ошибочной истории Франции»²⁹. Оставив замечания на полях («неверно», «похоже на вымысел»), Вольтер в «Опыте о нравах» дал не только отрицательную характеристику всего этого сочинения, но одновременно сформулировал и свои требования к историческим трудам вообще: «Читая историю Генриха IV Даниэля, удивляешься тому, что не находишь в ней истории этого великого человека. Едва намечен его характер, немного из тех прекрасных высказываний, которые отражали его душу; ничего от той достойной бессмертной речи, которую он произнес на собрании нотаблей в Руане; никаких деталей о тех благах, которыми ему обязана родина. Сухо изложенные военные действия, длинные речи в парламенте в пользу иезуитов и, наконец, жизнеописание отца Котона исчерпывают у Даниэля всю историю царствования Генриха IV»³⁰.

Описанные Даниэлем действия короля Филиппа Августа, осудившего к сожжению еретиков, отмечены закладкой с пометой Вольтера: «Пятнадцатилетний Филипп, мнимые еретики, сожженные в Париже». Рассказ Даниэля об убийстве 80 гугенотов и разграблении их имущества сопровождается вольтеровским пояснением: «Согласно постановлению парижского парламента, который осудил на смерть гугенотов во время гражданской войны». Ссылаясь на другой отрывок, отмеченный закладкой и наклейкой, Вольтер заметил в «Опыте о нравах»: «Даниэль добавляет, будто Франциск I публично заявил, что умертвил бы своих детей, если бы они были еретиками»³¹.

Помета Вольтера (закладка в той же книге) «Гнусные убийства Хлодвига» непосредственно связана с отрывком из «Опыта о нравах»: «Иезуит Даниэль, французский историк, искаживший столько фактов, не осмеливается скрыть, что Хлодвиг стал еще более кровавым и что он осквернил себя еще более страшными злодеяниями после своего крещения, чем тогда, когда был язычником. Эти преступления не были теми героическими деяниями, которые ослепляют человеческую глупость, а были просто грабежами и смертоубийствами»³².

Широко использован в «Опыте о нравах» известный (и понятие непревзойденный) «Словарь средневековой латыни» Дюканжа. Оценка Вольтером этого автора высока и

²⁴ Ibid., t. XIV. Paris, 1878, p. 71.

²⁵ Ibid., t. XXVII, p. 238—239.

²⁶ Ibid., t. XXVI. Paris, 1879, p. 272.

²⁷ Ibid., t. XVIII. Paris, 1878, p. 388.

²⁸ Ibid., t. XXVI, p. 5.

²⁹ Ibid., t. XVII. Paris, 1878, p. 201.

³⁰ Voltaire. Essai sur les mœurs et l'esprit des nations, t. II. Ed. par R. Pomeau. Paris, 1963, p. 529. Пьер Котан (1564—1626) — иезуит, духовник Генриха IV.

³¹ Ibid., t. II, p. 194.

³² Ibid., t. I. Paris, 1963, p. 306.

лаконична: «Необъятность его познаний и трудов поражает»³³. А в «Защите Людовика XIV» (1769 г.) Вольтер писал: «Если вам угодно видеть настоящее историческое исследование, то вряд ли найдется что-либо более ученое и более глубокое, чем сочинение Дюканжа»³⁴. Экземпляр этого словаря на вольтеровской библиотеки усеян наклейками на отдельных статьях, сведения из которых были использованы Вольтером при подготовке и написании «Опыта о нравах», а также многих его статей для «Энциклопедии» Дюдро и Д'Аламбера, «Философского словаря» (1764—1765 гг.) и «Вопросов к «Энциклопедии»» (1770—1772 гг.).

Одно из наиболее знаменитых сочинений крупнейшего историка Франции XV в. — «Мемуары» Филиппа де Коммина, представлено в библиотеке Вольтера в двух изданиях 1526 и 1747 гг.³⁵ Первое упоминание об этой книге встречается в письме Вольтера к маркизу д'Аржансону от 12 апреля 1746 г. Особенно много знаков внимательного чтения оставлено на полях «Мемуаров» в издании 1747 г.; здесь преобладают наклейки на отдельных словах в тексте, имеются закладки с пометами. В «Опыте о нравах» Вольтер дал общую оценку всего сочинения Филиппа де Коммина, «известного изменника, долго продававшего королю секреты бургундского двора»: «Эти «Мемуары» ценят, хотя они и написаны с осторожностью придворного, который все еще боится говорить правду даже после смерти Людовика XI»³⁶. Запись Вольтера на закладке в книге Коммина: «Мехмед II просит прощения у бога за то, что взымал слишком большой налог» тесно связана с высказыванием в «Опыте о нравах»: «Мехмед II часто был кровожадным и жестоким, как все завоеватели, которые разорили мир, но зачем приписывать ему даже маловероятные жестокости? Для чего нагромождать ужасы? Филипп де Коммин, современник этого султана, признает, что тот перед смертью просил у бога прощения за обложение налогом своих подданных»³⁷.

Известное произведение графа Анри Булэнвилле — «История древнего правительства Франции», внимательно прочитанное Вольтером, было им широко использовано при написании «Опыта о нравах». Экземпляр книги Булэнвилле из библиотеки Вольтера испещрен отчеркиваниями абзацев и страниц, крестиками, горизонтальными черточками, сделанными на полях сангиной³⁸. Ссылки на сочинение Булэнвилле в «Опыте о нравах» относятся именно к тем страницам, которые были отмечены Вольтером при чтении³⁹. О многократном его обращении к сочинению Булэнвилле свидетельствуют также закладки с пометами Ваньера, оставленные в другом экземпляре.⁴⁰ «Еще раз, — писал Вольтер, — граф Булэнвилле прав, утверждая, что ни один иезуит не способен правдиво написать историю»⁴¹.

При работе над «Опытом о нравах» Вольтер использовал данные из сочинения Герардо «История жизни и деятельности Эццелино III, прозванного Романо, тирана Падуанского». Сведения, нужные ему для работы, отмечены в книге закладками. «Читай-те жизнеописание Эццелино из Романо, тирана Падуанского, — писал Вольтер, — весьма наивно и очень недурно составленное Пьетро Герардо, его современником: этот писатель утверждает, что тиран погубил в XIII в. более 12 тыс. граждан Падуи»⁴².

Книги библиотеки Вольтера помогают в ряде случаев проследить его работу над источниками на всех этапах, во всех деталях и непосредственно возникших взаимосвязях. Обычно оценки, приводимые Вольтером в маргиналиях, надолго удерживались в памяти, оказывая влияние на последующие высказывания. Характерно в этом отношении замечание Вольтера на обороте титульного листа «Мемуаров» Бакалар-и-Сана: «В этой книге много ошибок, нужно ее сравнить с мемуарами маркиза де Торси»⁴³. Эти последние, вышедшие в 1756 г., Вольтер назвал написанными «чище, чем все «Мемуа-

³³ Voltaire. Oeuvres complètes, t. XIV, p. 67.

³⁴ Ibid., t. XXVIII. Paris, 1879, p. 329.

³⁵ «Библиотека Вольтера», № 830, 831.

³⁶ Voltaire. Essai sur les mœurs..., t. II, p. 6.

³⁷ Ibid., t. I, p. 818.

³⁸ «Библиотека Вольтера», № 505.

³⁹ Voltaire. Essai sur les mœurs..., t. II, p. 18, 19, 540.

⁴⁰ «Библиотека Вольтера», № 506.

⁴¹ Voltaire. Essai sur les mœurs..., t. II, p. 540.

⁴² «Библиотека Вольтера», № 1456; Voltaire. Essai sur les mœurs..., t. I, p. 704.

⁴³ Там же, № 238.

ры» его предшественников»⁴⁴. Вольтер читал «Мемуары» де Торси еще в рукописи при подготовке «Века Людовика XIV». Однако в печатном экземпляре из его библиотеки находится множество закладок, наклеек, загнутых углов, сделанных во время повторного чтения этой книги⁴⁵.

Пометы Вольтера нередко помогали ему быстро ориентироваться в многообразном материале, необходимом для дискуссий. Обычно Вольтер резко отвечал критикам своих трудов, сразу делая замечания на полях. Например, пометки Вольтера на книге английского философа Болингброка «Письма об истории» (прочитанной им сразу после ее выхода в свет) отражают его полемику с автором, подвергнувшим критику «Век Людовика XIV». Обвинения Болингброка вызвали обстоятельные ответы Вольтера, правда, без особых выпадов в адрес мыслителя, под идейным влиянием которого он находился во время своего пребывания в Англии в 1728—1729 гг. По поводу замечания Болингброка: «Господин Вольтер пишет о безграничной ненависти к принцу Оранскому, которого презирали больше, чем боялись», встречается приписка: «Он (Вольтер.— Л. А.) никогда не пользуется подобными плоскими выражениями».

Болингброк обвинял Вольтера в стремлении приуменьшить роль кардинала Мазарини, на деле оставившего после своей смерти Францию в цветущем состоянии. По этому поводу Болингброк писал: «Судить нужно не по современным водевилям, а по фактам». Рядом с этим высказыванием Вольтер делает приписку: «Он (Мазарини.— Л. А.) нашел Францию победительницей во Фландрии и в Империи, трепетавшей перед шведами».

Возле обвинения Болингбромом Вольтера в том, что тот не только противоречил всем писателям, национальным и иностранным, но и опровергал множество живых свидетелей, встречается запись на полях: «Он (Вольтер.— Л. А.) противоречил только пристрастным писателям, которые никак не могли скрыть того, что принц Оранский всегда бывал бит во Фландрии»⁴⁶.

Отказ от слепого копирования трудов своих предшественников, строгая проверка сообщаемых ими сведений, отбор наиболее достоверных исторических фактов были характерны для Вольтера-историка. История не была для него простым перечнем «неужных и бесполезных» мелочей, а сообщением важнейших, существенных и, главное, достоверных фактов. Проработка современной литературы и трудов историков предшествующих веков сочеталась обычно с их критикой. В «Историческом и критическом введении» к «Истории Российской империи» Вольтер писал: «То, что я назвал историческим подлогом, весьма еще распространено, потому что порождено лестью, насмешкой или безрассудной любовью к чудесам»⁴⁷. Некоторые исторические источники вызывали у Вольтера особый интерес. Так, на протяжении 40 лет он непрерывно возвращался к «Политическому завещанию» Ришелье, без устали оспаривая подлинность этого источника⁴⁸. Непреходящий интерес Вольтера к истории Франции XVII в., времени правления Людовика XIII и к личности Ришелье проявился в подборке части книг его библиотеки. Здесь сохранились издания «Политического завещания» (1749 и 1764 гг.) с многочисленными пометами Вольтера. Многие тома «пространной, тяжеловесной, язвительной» истории Людовика XIII, написанной Мишелем Левассором, испещрены вольтеровскими замечаниями. «Отвратительный краснобай» Левассор не ошибался, пишет Вольтер, только в мелочах, а в своих суждениях «всегда был неправ»⁴⁹.

Большая подборка мемуарной литературы, посвященной истории Франции XVII в., содержит подложные завещания маршала Бельиля (Шеврие), мнимые мемуары д'Артаньяна, графа де Рошфор, Кольбера и Лувуа, написанные Куртилем де Сандра. Наводившие в XVIII в. книжный рынок подобные исторические, литературные и публицистические подделки могли бы составить огромную библиотеку, в ко-

⁴⁴ Voltaire. Oeuvres complètes, t. XIV, p. 55.

⁴⁵ «Библиотека Вольтера», № 807; Voltaire. Oeuvres complètes, t. XIV, p. 323, 336, 340, note 3; p. 392, note 1; p. 393, 398, 404.

⁴⁶ «Библиотека Вольтера», № 455; «Voltaire's Correspondence», vol. 23, № 4901; vol. 24, № 5129.

⁴⁷ Voltaire. Oeuvres complètes, t. XVI, p. 392.

⁴⁸ Л. Л. Алъбина. Вольтер и «Политическое завещание» Ришелье.— «Французский ежегодник. 1967». М., 1968, стр. 251—259.

⁴⁹ Voltaire. Oeuvres complètes, t. XIV, p. 98.

торой не было бы и 10 страниц правды»⁵⁰. Боязнь подделок и фальсификаций, характерных для XVIII в., заставляла Вольтера особенно настороженно относиться к такому рода источникам.

В маргиналиях нередко находило отражение не только отношение Вольтера к содержанию книги, но и к личности автора, к его взглядам, стилю. В замечаниях на полях книг Вольтер давал порой гораздо более резкие характеристики, отличавшиеся большей свободой, чем его же высказывания в статьях, письмах и даже «Дневниках».

Позиция Вольтера, страстного полемиста и публициста, зачастую закрывала для него возможность всесторонней и объективной оценки исторического источника. В результате критика, например, «Политического завещания» Ришелье, в которой немало верных замечаний, привела к общей ошибочной оценке этого произведения как исторического источника.

Другая ошибка Вольтера связана с именем известного французского экономиста XVIII в. Пьера Буагильбера, которому он приписывал «Проект королевской десятины» маршала Вобана. Страницы одной из глав основного сочинения Буагильбера «Описание Франции» заложены закладкой без помет. В «Веке Людовика XIV» Вольтер подверг критике содержащиеся в этой главе сведения об упадке Франции после 1660 г., об уменьшении недвижимого имущества королевства на 150 млн. ливров. «Ничто не может быть более лживым и менее правдоподобным», — замечал Вольтер. «Никогда Франция не была столь процветающей, как после смерти кардинала Мазарини вплоть до войны 1689 г.»⁵¹. Чтение этой книги открывает цепь сложных и глубоких ассоциаций, длившихся не один год. В статье «Новые сомнения насчет завещания, приписываемого кардиналу Ришелье» (1764 г.), а затем в статье «Земледелие» (1770 г.) в «Вопросах к «Энциклопедии» Вольтер настаивал на том, что Буагильбера, человека весьма образованного, знающего финансы, «страсть критиковать деяния великого Кольбера завела слишком далеко»⁵². По мнению Вольтера, только малым успехом книги «Описание Франции» можно объяснить то, что Буагильбер издал другое свое сочинение — «Королевскую десятину» — под именем Вобана. В помете на титульном листе произведения Вобана Вольтер заметил: «Это преглупая книга Буагильбера, который бесстыдно опубликовал ее под именем маршала Вобана»⁵³. В книге Дюпре де Сен-Мора (1746 г.), там, где автор, ссылаясь на Вобана, пишет, что во Франции урожай хорошего года может прокормить жителей в течение 18 месяцев, Вольтер написал на полях: «Это говорит совсем не Вобан, а Буагильбер, который посмел принять имя Вобана»⁵⁴. То же записал Вольтер в сочинении маркиза де Шатлю «Об общественном счастье» (1776 г.): «Как! Неужто во всех книгах я увижу несчастную десятину Буагильбера, приписываемую маршалу Вобану»⁵⁵. В письме к неизвестному лицу от 2 мая 1776 г. Вольтер вновь замечает: «Распознали Буагильбера, который осмелился напечатать свою «Королевскую десятину» под именем маршала Вобана»⁵⁶. Подобные утверждения неоднократно встречаются и в печатных трудах Вольтера. Его ошибку можно объяснить в первую очередь тем, что одно из изданий книги Буагильбера вышло под названием «Политическое завещание» маршала Вобана. Кроме того, идеи Вобана были близки к взглядам Буагильбера, которого обычно рассматривают как его прямого предшественника.

Большинство замечаний Вольтера на полях исторических сочинений имеют справочный характер, облегчавший нахождение привлеченного его внимание материала. Обычно он отмечал при чтении даты, цифровые данные, имена исторических деятелей, названия мест, где произошли битвы. При этом Вольтер делал выписки из заинтересовавшего его труда, приводя подчас указания на том и страницу. Возражения автору чаще всего выражались в форме конкретного суждения по тому или иному вопросу, либо указания на ошибки, неточности в датах, цифрах. Характерным для метода работы Вольтера было сочетание различных способов отметки нужного ему для работы текста.

⁵⁰ Ibid., t. XXIII. Paris, 1879, p. 435.

⁵¹ Ibid., t. XIV, p. 519.

⁵² Ibid., t. XXV. Paris, 1879, p. 306—307; t. XVII, p. 82.

⁵³ «Библиотека Вольтера», № 3405.

⁵⁴ Там же, № 1176.

⁵⁵ Там же, № 722.

⁵⁶ «Voltaire's Correspondence», vol. 94, № 18958.

Примером может служить «Критическая история установления французской монархии в Галлии» (1734 г.) Дюбо, секретаря французской Академии наук, противника Булэнвилле в известном споре о происхождении феодализма во Франции. В книге Дюбо преобладают закладки без помет, наклейки в тексте, встречаются отчеркивания на полях, закладки с пометами Вольтера⁵⁷. В письме к Альгаротти (27 июня 1751 г.) Вольтер замечает: «Толстый аббат Дюбо — хороший автор, достойный внимательного прочтения... Суждения его значительны, но стиль плохой, его нужно читать, но утомительно перечитывать»⁵⁸. Пометы справочного характера, встречающиеся в книге Дюбо, перемежаются с упреками в адрес автора: «Сенат Реймса и других городов старше монархии», «Хлодвиг крещен не в Реймсе, а в Туре», «ты переводишь очень плохо». Сравнение монархии с человеческим организмом, имеющим такие пороки, как склонность к лени, отвращение к особо необходимым для общества искусствам и ремеслам, легкомыслие, вызвало помету Вольтера на закладке: «Пороки Франции».

Другое историческое сочинение Дюбо — «Историю Камбрейской Лиги» Вольтер высоко ценил как «глубокое, политичное, интересное произведение, позволяющее узнать обычай и нравы времени»; в этом смысле оно «является образцом»⁵⁹.

Для читательской манеры Вольтера-историка характерно употребление и использование многообразных «немых» знаков чтения. Наряду с замечаниями он широко применял графические отметки в тексте — подчеркивания отдельных слов и фраз, отчеркивания строк и абзацев, а также загнутые углы, закладки, бумажные наклейки на одном или нескольких словах, отточия. В его сочинениях неоднократно встречаются ссылки на страницы книг, отмеченные только «немыми» знаками чтения. Загнуты верхние и нижние углы многих страниц исторического труда Дюгайяна, наряду с этим встречаются и закладки с вольтеровскими пометами и замечаниями на полях: «Неверно», «Гуго Капет узурпатор» и т. д.⁶⁰ В сочинении «Пирронизм в истории» (1768 г.) Вольтер подверг критике отдельные положения книги Дюгайяна, используя отмеченные при чтении отрывки⁶¹.

Среди книг библиотеки Вольтера, не содержащих никаких знаков чтения, многие были все же прочитаны Вольтером. Общая их оценка встречается в его переписке или в его произведениях. Так, в письме от 23 января 1769 г. к историку и публицисту Гайяру (1726—1806), автору «Похвального слова Генриху IV», Вольтер писал: «Вы чувствуете, каково мое нетерпение увидеть Генриха IV, написанного Вами. Вы украсите ему подбородок и рот, и он будет прекрасен, как день»⁶². В последующих письмах Вольтер цитировал отдельные строки из Гайяра⁶³.

В некоторых случаях маргинальные заметки Вольтера имели такой личностный характер, что не могли быть использованы в его исторических, философских и литературных трудах, подчас они противоречили и его высказываниям в переписке. Так, в письме к тому же Гайяру по поводу его «Истории Франциска I, короля Франции», Вольтер заметил: «Я не люблю Франциска I, но очень люблю Ваш стиль, Ваши исследования и особенно Вашу терпимость»⁶⁴. Истинное отношение к Гайяру и его книге проявилось не в переписке, а в замечаниях, которыми Вольтер испещрил это сочинение: «Какая детская декламация», «скопировано у Расина», «всяческая смесь, очень плохо подобранная и весьма плохо написанная», «какой стиль школяра», «слишком много болтовни». В некоторых пометах встречается прямое обращение к автору: «О, бедняга, швейцарцы не знали ни французского, ни итальянского языка». Там, где Гайяр описывал шум потока, крики умирающих, ржание уставших и испуганных коней, повторяемое эхом в лесах и горах, Вольтер иронически замечает: «Бедняга, уставшие лошади совсем не ржут». В конце первого тома Вольтер как бы подвел итог своим впе-

⁵⁷ «Библиотека Вольтера», № 1109.

⁵⁸ «Voltaire's Correspondence», vol. 19, № 3917.

⁵⁹ Voltaire. Oeuvres complètes, t. XIV, p. 66.

⁶⁰ «Библиотека Вольтера», № 1130.

⁶¹ Voltaire. Oeuvres complètes, t. XXVII, Paris, 1878, p. 287—288. О Дюгайяне (1556—1619) см. О. Л. Вайнштейн. Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964, стр. 379—381.

⁶² «Voltaire's Correspondence», vol. 71, № 14483.

⁶³ Ibid., № 14536; «Библиотека Вольтера», № 1417.

⁶⁴ «Библиотека Вольтера», № 1419; «Voltaire's Correspondence», vol. 71, № 14638.

чатлениям о книге: «Вот главное, дужке бы прийти к этому раньше, жизнь слишком коротка, чтобы читать столько дребедени».

В пометах Вольтер нередко повторял поразившие его факты, не раз привлекавшие его внимание. Так, при чтении «Истории древней астрономии» (1777 г.) Байи Вольтер оставил закладку возле рассказа о предсказании смерти Генриха IV: «Марэна обязали составить гороскоп Людовика XIV при его рождении». В «Веке Людовика XIV» Вольтер привел сведения о Мишеле Марэне, медике, математике и астрологе, составившем гороскоп при рождении Людовика XIV, замечая, что все «мемуары» этого времени были полны пророчеств и даже «серьезный и суровый Сюлли счел нужным упомянуть о предсказании, сделанном Генриху IV». «Это легкое верие, — писал Вольтер, — верный признак невежества, было так распространено, что в момент рождения Людовика XIV позаботились поместить возле комнат Анны Австрийской астролога».

Маргиналии свидетельствуют не только о первой, подчас бурной реакции Вольтера. Первоначальные оценки переходили (зачастую без существенных изменений) из одной работы в другую. Они всегда давали Вольтеру материал для размышлений, надолго удерживались в памяти, нередко служили толчком к созданию новых сочинений или переработке уже написанных. Высказанные в яркой, иногда афористической форме многочисленные заметки Вольтера звучат и сейчас выразительно, некоторые из них совпадают с высказываниями в его произведениях и переписке. Характерно в этом отношении письмо Вольтера к Дамилавиллю от 19 ноября 1765 г.: «Отвергайте пошлые декламации, жалкие софизмы, исторические ошибки, противоречия, бесчисленные нелепости, препятствуйте тому, чтобы здравомыслящие люди пошли на поводу тех, кто полностью лишен здравомыслия. Новое поколение будет обязано Вам разумом и свободой»⁶⁵.

Маргиналии позволяют во многих случаях не только датировать чтение, но и устанавливать творческую историю и научную документацию исторических сочинений Вольтера. Материалы библиотеки свидетельствуют об огромной подготовительной работе Вольтера при создании своих произведений. Обычно он привлекал весь комплекс печатных и рукописных источников, дополняя одни свидетельства другими, отбирал, сопоставлял и проверял содержащиеся в них данные. Заметки на полях не только помогали Вольтеру ориентироваться в многообразном фактическом материале, но и формулировать в последующей работе свои возражения. Маргиналии и иные знаки внимательного чтения важны еще и потому, что при существовавшей в XVIII в. «скрытой» манере цитирования вольтеровский метод работы, его приемы использования чужих произведений, оказываются более доступными для выявления и определения.

Книжное собрание Вольтера помогает воссоздать его образ, как читателя и ученого, критически освоившего и переработавшего литературное наследие предшествующих веков. Подлинное отношение Вольтера к своим предшественникам и современникам, к сообщаемым им сведениям в первую очередь находило отражение в многочисленных замечаниях на полях прочитанных книг. Именно здесь открывается исследователям творческая лаборатория замечательного историка Франции XVIII в. Материалы «Корпуса» читательских помет Вольтера свидетельствуют о поистине энциклопедической начитанности, серьезном обращении к первоисточникам, о напряженном творческом труде великого писателя и историка века Просвещения.

⁶⁵ Ibid., vol. 59, № 12123.

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

2